

Небо

поэзия

заливает мне Глаза...

80

* * *

Вспоминается, видел однажды я диких коней,
Что паслись в моём детстве, на яркой его стороне.
Уж и топот не слышен, и ржание тише и тише –
Длинногривые, свидимся с вами в небесной стране.

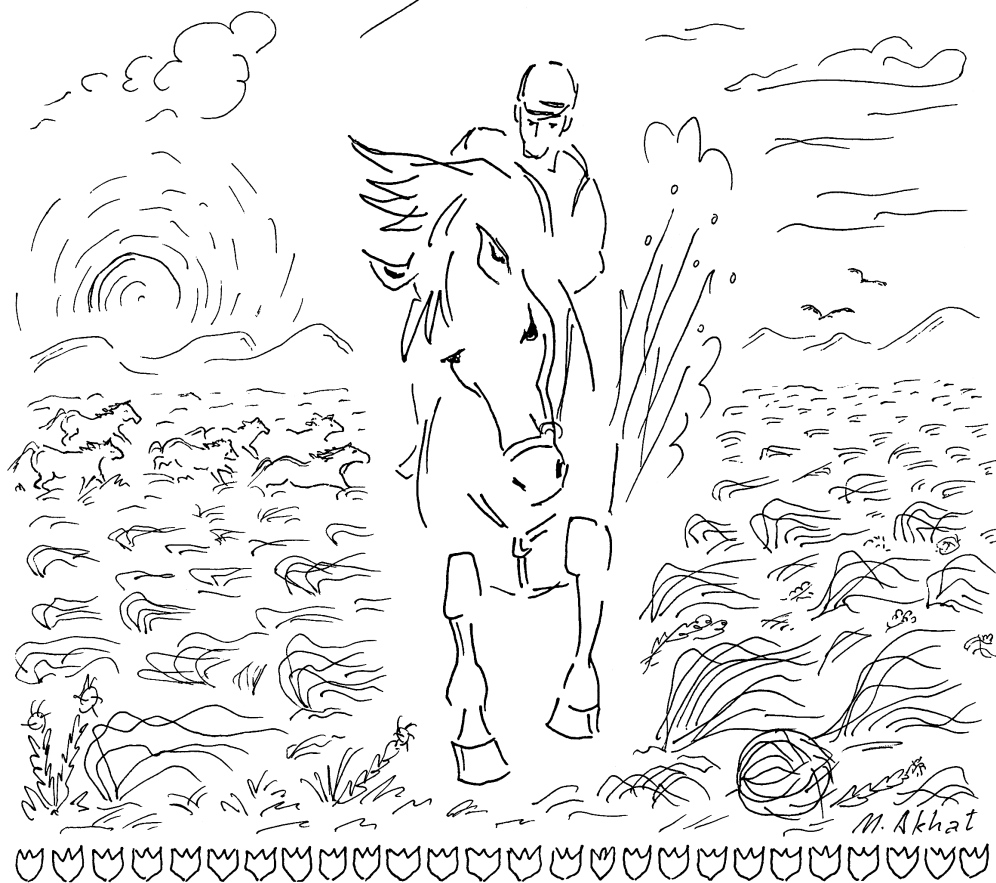
* * *

Что моё, то моё. А чужим ты меня не прельсти.
Мне бы добрую юрту и счастье с любимой найти,
Проскакать по степи на своём быстроногом бахмате,
Да Всевышнего встретить ещё б на закате пути.

* * *

Рождённые в степи, как дикие волчата,
пока ещё глухи мы к зову крови,
он вызревает в сердце постепенно.
Нас матери поят кобыльим молоком
под долгие печальные напевы
на языке, идущем из веков,
чтоб мы могли с тенями предков слиться
под голубым и вечно новым небом
и ощутили силу трёх стихий.
Отцы сажают нас на конские хребты,
вцепляемся в запутанные гривы,
глотаю ветра пыл и запах шерсти.
И настезь открываются сердца.
Шумит трава... Мы скачем, скачем... Здесь мы...
Мы здесь!

Троскакаат по стени
 на својо бистривоном бакејате,
 Да Веветице ветретица
 егѐ б на закати рути.

* * *

Оседлал татарин молодой
вороного чудо-скакуна,
самой тёмной ноченьки черней.
Поскакал татарин молодой
по степи безбрежной далеко,
по степи зелёной всё быстрее.
Ехал день татарин молодой
или, может, даже целый год –
только Тэнгри ведомо о том.
Не сидел ни с кем у очага,
не видали издали его,
словно ветер, мчался он верхом.
Заезжал татарин молодой
отдохнуть в осиновый лесок,
засмотрелся в воды родника.
А вода как будто бы поёт,
развевает локоны и льнёт:
сколько я тебя ждала-ждала,
тосковала, милый, по тебе,
ты навеки мой, моя любовь!
Разглядел он чёрные глаза,
нежность губ, рябиновую статью
и наряд червонный, точно кровь.
Тянет руку парень молодой,
будто ищет что-то в роднике,
только чья коса в его руке?
Чьи слова он слышал наяву?
То рябины голос иль воды,
что поёт ему на все лады,
или, может, это было сном?
Только Тэнгри ведомо о том...

* * *

Мать-вода, живой ручей,
песни льются.
Вот бы нежностью твоей
обернуться.

Приведёт сестра коней –
пусть напьются.

Мой отец, трава степей,
лес – защита,
сердце слышит – всё смелей
бьют копыта.

Приведёт сестра коней –
будут сыты.

* * *

Вы, глаза мои, очи, я ещё не ослеп?
Выше вас только небо, ниже вас только степь.
Посмотрите, не я ли в травах шёлковых сплю?
Посмотрите, не я ли мир всем сердцем люблю?
Степь и небо бескрайни. Грезит память о них,
я себя обнаружил на просторах родных,
я прошёл сквозь столетья и миры посетил,
видел многие вещи, с тенью я говорил.
И теперь жду рассвета! Где крылатый конёк?
Крепко в гриву вцепившись, поскачу на восток!
Там, где солнце восходит, дом стоит золотой.
Божество моё Тэнгри, двери в вечность открой!

* * *

Я верю.
Эта вера от корней,
от матери
богатое наследство.

Как воздухом,
она дышала ей,
в ней смысл жизни
находя
и средство.

Была та вера тихая, как свет,
не для того,
чтоб ею двигать горы,
без храмов, куполов и витражей,
доверие – была её опора.

«Иди же с Богом», –
говорила мать,
А я смущённо:
«Оставайся с Богом».

Могли подростки
следом прокричать:
«Смотри,
он тот,
кто ходит вместе с Богом!»

Отец мой верил,
только без чутья.
Он жаждал
фактов –
так уж был устроен.

Как будто ждал,
что Бог предстанет въявь
и скажет:

«Эй, дружище, это я!
Поверь в меня!
Я этого достоин».

Порою мыслям пытку учиня,
– Бог есть иль нет? –
он спрашивал меня,
боясь и подтвердить,
и отрешиться.

– Да ведь ответом этому вся жизнь!
Неужто мы
напрасно родились,
чтобы потом
камнями притвориться?

Они сегодня
оба пред Творцом.
Я верую в Него,
как мать с отцом –
умом и сердцем веру принимая.

Я верю в то,
что свыше нам дано,
вне времени и вне границ оно,
и ни конца нет у него, ни края.

* * *

Где твои амбиции? – бывало,
не однажды мама упрекала, –
если гнев под горло подступил,
ты б его, сынок, попридержал бы –
рвёшься,
как собака на цепи.

Нет, не гнев то, мама, от ожога
так болят глаза и одиноко,
я совсем отчаялся в пути.
Их закрою – видится дорога,
а по ней бредёт душа убого,
спотыкаясь, пробуя ползти.

Не могу уже никак идти.

Нет, не гнев мной властвует, родная,
просто сердце мне не доверяет,
и давно со мною не в ладу.
Обещал ему я вечность рая,
а увяз в сегодняшнем аду.

И боюсь, что выход не найду.

* * *

На чужой земле родился я
и живу я меж людьми чужими
вывожу язык из забытья
вспоминаю дедушкино имя
и хоть не сумел ещё понять
многозначность речи первородной
веру предков в памяти храня
я ищу их голос путеводный
грусть и боль преследуют меня

жизнь моя – иные адреса
на земле за дальним горизонтом
всё слышнее предков голоса
но пока ещё расплывчат контур

небо заливают мне глаза

* * *

Оставляю тебе сын
пронзительный звук стали
ласковое сверканье
выхоленного в моих ладонях острия
взгляни как оно
откликается
на зов голубой крови
бурлящей в наших венах

однако что я знаю об умирании
медленном безустанном усыхании яблони
в дедушкином саду
когда ежедневно
разрывается сердце нового листа

Поэзия

Она – моя отчизна,
междуречье,
земля солёных слов
и боль без края,
бессилье языка
и святость речи.
За них я
ежедневно умираю.

* * *

Вчера ночью
меня навестил дедушка
стоя в дверях смотрел на меня
стеклянными глазами

в которых отражался дом
белизна потрескавшихся стен
и записанные на чувствительную сетчатку памяти
старик и дитя

Из последних сил
дом возносился
над плечами горизонта
пытаясь преодолеть огромную тень

Потом осталась голая земля
в которую мы медленно вращали
по пояс
по шею

* * *

Слышал я сонного моря дыханье,
счастьем усталым обвит.
Сколько в лесу засыпал я блаженно,
хвоей, как прутик, укрыт.
Был я в столицах, летал в самолётах,
мчался в вагонах метро.
Запах изысканных блюд открывал мне
мейсенский дивный фарфор.
И восторгался я лицами женщин –
тех, что любовью светлы.
Знаешь, мой внук, очень многие вещи
в мире достойны хвалы.
Но не сравнится ни с чьими чертами
нежная бездна в глазах твоей мамы,
шепчущей «маленький спи», –
черноволосой
и смуглой
принцессы
дальней татарской степи.

Начало

Внуку

Начало дня
и первые следы
на тротуарах чистых первозданных
мужчина держит за руку дитя
за ними дом
желтеет деревянный

ребёнок видит хату и кусты
и впитывает небо
птиц и воздух
прохожих
их улыбки разговор
весь мир ему
по капле будет роздан

в глазах мужчины
солнца яркий свет
степная кровь
как чёрная пучина
пульсирует
под веками зениц
его лицо в тени наполовину

на старом снимке двое
стар и мал
они стоят
друг другу улыбаясь
отпустит скоро внук
мою ладонь
и по дороге светлой зашагает

* * *

Склоняет голову она
с кокетством глядя на мужчину
с рассвета мира этот жест
себе присвоила фемина
и каждый раз он покорён
и кровь сильнее бежит по вене
одно движение век её
его бросает на колени

* * *

В баре «Безмятежная лагуна» –
на высоких стульях Пенелопы
в бёдра обнажающих одеждах.

Постоянно здесь бывают гости,
в их толпе упрямо каждый вечер
ищет Одиссей свою Итаку.

* * *

Знаешь, во мне томится
белая тишина.
Будто я с ней родился,
белым душа полна.
Я говорю стихами,
белый мой сон, продлись.
Хочешь понять язык мой –
тела легко коснись.
Чувствуешь трепет слова –
в нём каждый слог болит.
Ранено ими сердце,
как остриями бритв.
Медленно читаешь
боль по слогам в строке –
может, святое слово
вспыхнет в твоей руке,
может, тебя заденет
белым пером крыло.

Будет тогда в нас тихо,
будет белым-бело...

* * *

Иоанне

Белому чаю отдав предпочтенье,
сядем с тобою вдвоём.
Белое слово –
молчание наше
белою ночью и днём.
И заблудиться
во всём этом белом
стоит большого труда –
даже в тяжёлые дни
нам с тобою
белая светит звезда.

* * *

Я знала, что придёшь, – она вздыхает
и смотрит в мрак так пристально, что видит
стоящего его как будто в шаге,
а взгляд её насквозь пронзает вечность,
как будто он и не был человеком –
лишь призраком того, кого любила.
Он – тень, она протягивает руки,
но опускает медленно их, чтобы
не замутить того изображенья,
и в сладкое впадает беспокойство.
Обнять её она виденье просит,
впадая в роковое вожделенье,
и вся она болезненно дрожит.
И гладит, и ласкает своё тело,
и дышит, жар и влагу исторгая,
и губы, бёдра, грудь её – во власти
незримой тени. Очи западают.
И стонет, и неистово клянётся.
И вновь навеки обладает им.

* * *

Глядишь на сумерки в окно,
в котором дождь идёт стеной,
и холод так бесчеловечен.
Твой взгляд всё горше и мрачней.
Давай сбежим, шепнёшь ты мне,
а я тогда тебе отвечу:
пусть дождь омоет нашу грусть,
и будут лица, руки пусть
белее, чем цветы иссопа.
И чистота бы в нас вошла,
и прояснилась эта мгла,
уняв отчаянье и ропот.
Коснётся солнце наших уст –
мы расцветём, как алый куст,
где птицы райские щебечут.
Раскинем крылья на двоих
и полетим в глаза твои –
Творцу навстречу.

* * *

Полюбил я солнце,
чьё лицо светло –
мне оно любовью очи обожгло.

* * *

Дикою ланью стать бы –
может, за мной поскачешь,
прыгнув на рысака.
Я бы не убежала –
бросилась бы под стрелы,
вот же, смотри, где прячу
сердце – и боль сладка.
Вскинешь свою добычу,
как на седло невесту,
и повезёшь бедняжку
с раной вместо венка...

* * *

Холода сплошные холода
как во сне покойников бело
индевет даже тишина
белые павлины шаг за шагом
измеряют эту тишину
я ловлю дыхание зимы
в зеркала ладоней
лёд сковал
реки – то артерии мои
сад неприкасаемых и в нём
губы белой розою цветут
на хрустальных узких крыльях глаз
белый-белый и нездешний свет

*Перевод с польского
Галины Булатовой*

